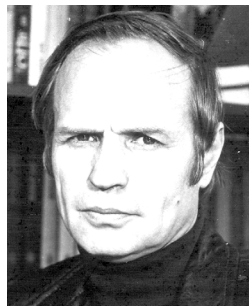

Олег

Постников

(1939–1989)

ПО ЯСНОМУ КРУГУ

НА ОКЕ

*В Тарусе на Оке граничат
две области – Калужская и Тульская...*

Хороша она – июльская
Медоносная пора.
Да не ходят в землю Тульскую
Из Тарусы катера.

Говорю я перевозчику:
– Ты войди в беду мою.
Переправь меня на родину –
За ценой не постою!

А старик бормочет странное:
– Не ко времени грибы.
Не к добру и ночь туманная,
Руки старые слабы.

То ли дело было веснами –
Что на лодке, на плоту.
А теперь ворочать веслами
Одному нелегко.

– Что ж, отец, на годы жалуясь,
Дело кончить не спеши.
Сам я веслами побалуюсь –
Ты мне только разреши.

– Разрешить? Оно и можно бы...
Разрешу... Но вот беда –

Сгнили весла, ненадежные,
Да и лодочка худа.

А, чего уж... Много пройдено,
Так пошто и не рискнуть.
Кто спешит увидеть родину –
Покороче ищет путь.

Ну-к, садись... Кому призвание,
Тот рыбак и на возу.
А деньгою не названивай –
Я за так перевезу.

ТОЧИЛЬЩИК

Закатный час...
В тени, у магазина,
Точильщик правит
ножницы и бритвы.
Точильщик был когда-то муэдзином,
Звонкоголосым вестником молитвы.
Когда-то он,
давным-давно когда-то,
Да, так давно,
что даже вспомнить странно,
Последнее мгновение заката
Оповещал протяжно и гортанно.
Когда-то он с площадки минарета
Одним из первых по округе спящей
Приветствовал рождение рассвета
И робкий луч его животворящий.

Он и сейчас встает, как птица, рано.
Откроет дверь, присядет у порога.
Но ни единой строчки из Корана
Не помнит он.

И не тревожит бога.

О чем молить?

Да не о чем, поверьте.

Он, кроме смерти, ничего не ищет.
Но столько раз он уходил от смерти,
Что смерть забыла про его жилище.
А помнится – она гуляла рядом,
Когда мешались радости и беды,
Когда, качаясь впереди отряда,
Он вел отряд едва заметным следом.
Шестая ночь, шестая ночь на марше.
Гнев и тоска кружились над плечами.
Его Жантас,

его орленок старший,

В пески уходит вместе с басмачами.

Уходит в ночь,

надеясь на рассвете

Сменить коней,

а там – Аллах поможет!

Но он-то знал –

ничто на белом свете

Спасти его от гибели не сможет.

Когда ж пришел рассвет

тяжелокрылый,

Последней лавой конники пластались.

Потом в песках безвестные могилы,

Исколотые шашками, остались.

Возле одной из них и он, понурясь,

Стоял, темнея от горячей боли,

Пока комэска не спросил, нахмурясь:

– Чего такой?

Да ты жалеешь, что ли?

Он отошел.

Никто не знал про сына.

Да ничего б не изменилось, если...

...Ветрами лет и ливнями косыми

Прибило прах, а холмики исчезли,

Как будто их веки не бывало.

Он проезжал недавно место боя.

В зените солнце белое стояло,

Сияло небо бледно-голубое.

Вдали гремят и города, и годы,

Повсюду слышен голос человека,

А здесь ничто не трогает природы,
Как бы уснувшей до скончания века.

И в этом мертвом омуте покоя,
Где суета простора не тревожит,
Не верил он, что сам... своей рукою...
Не может быть...

Не может быть! Не может.

Он устоял. Не рухнул на колени.

Иначе б – все.

Иначе б – не подняться.

Зачем ты, память, сберегла мгновенье,
С которым лучше б было

не встречаться?

Зачем он здесь, когда сгорели травы?

Забыть! Забыть...

И вспоминать отныне

Могилу дочки – в поле, у Варшавы,

Могилу сына младшего – в Берлине.

Забыть! Забыть,

как позабыл молитвы.

Забыть! Забыть, как позабыл мечети.

Закатный час...

В тени играют дети.

Точильщик правит

ножницы и бритвы.

КЕРБУЛАК

Заснул безмятежно аул невеликий.

В больших городах так спокойно не спят

Вода утомленно бормочет в арыке,

У дальних озер коростели скрипят.

И шепчется ветер с листвой абрикоса,

Пронизанной светом медовой луны.

Кузнечиков хор миллионголосый

Ничуть не тревожит ночной тишины.

Скользят на воде бесконечные тени,

Мелькают летучие мыши во мгле.

Как мало осталось таких вот селений

На яростной,

вздыбленной веком земле!

Калау, ты слышишь,

над сонным джайляу

Возносится в полночь плач лебедей.

Наверное, лебеди знают, Калау,

Как мало осталось в ауле людей.

Аул обречен –
 и селяне уходят,
 Спускаются к Чу, и в долине ее
 Покой и отраду не каждый находит,
 Но каждый
 на совесть возводит жильё.
 Калау, ты слышишь,
 когда в Кербулаке
 Подернется пеплом последний очаг,
 Взойдут над могилами алые маки,
 Созреет ковыльная горечь в ночах.
 И сердце,
 быть может,
 утешится тайной,
 Что все на земле,
 начиная с имен
 И смертью кончая,
 немного случайно
 И все неизбежно,
 как смена времен.

ПО ЯСНОМУ КРУГУ

Веди меня, память,
 по ясному кругу
 Согласно, любви и добра.
 Отчизне и маме, любимой и другу
 Пора поклониться, пора.
 Уж рощи раздеты, и травы примяты,
 И птицы кружат вдалеке.
 И лодка моя, подвигаясь к закату,
 Скользит по осенней реке.

И с каждым рывком
 отдаляются весны,
 Что были надежды полны.
 Я на воду брошу тяжелые весла,
 Отдамся на волю волны.
 Над старой дорогой,
 над памятью строгой
 Пройдет облаков череда.
 И сердце сожмется
 внезапной тревогой,
 В реке потемнеет вода.

И ветер завоюет, ударит с размаху,
 Проплещет водой в камыше.
 И гулкое эхо короткого страха
 Не скоро растает в душе.

И снова волна налетит бесновато,
 Суденышко на борт клоня.
 И тот, кто бывал без вины виноватым,
 Поймет, я уверен, меня.

Я знаю, что нету надежнее средства
 Уйти от неясной вины,
 Как только забыться
 и к пристани детства
 Вернуться с другой стороны.

Скучая о шумном веселом народе,
 Вечерняя пристань пуста.
 И черных,
 давно перезрелых смородин
 Никто не срывает с куста.

По давнему следу
 кружить я не стану,
 Вот только на холм поднимусь
 Да свежей воды из колодца достану
 И тотчас на пристань вернусь.

Вздыхнет опечаленно старая ива,
 Заря догорит над рекой,
 И белоголовый мальчишка с обрыва
 Махнет мне, прощаясь, рукой...

КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ. 48-Й ГОД

(Валенки)

Ни сахара нет, ни сала.
 Подобраны хлеба остатки.
 Отец вечерами устало
 Бодрился:
 – Терпите, ребята!
 Гляди веселее, пехота.
 Где тонко,
 Всегда ли рвется?
 Были бы руки – работа
 Найдется рукам, найдется...

Куда же деваться?
 Терпели.
 И, дня-ночюя в зале,
 Все, что было,
 Подъели,
 Все, что можно,
 Продали.
 А в зале – жара и мухи,
 Народу – ни встать, ни сесть.
 Желудок от горькой макухи
 Сводит... Хлебца б поесть.
 Но хлеба как раз и нету.
 И денег у нас ни гроша.
 Один удалец отпетый,
 Барыга, отцу по секрету
 Бубнил, перегаром дыша:
 – Вопросы, кругом вопросы.
 И как ни поглянешь – беда.
 Россия взошла на колеса,
 А мчится Россия – куда?
 Тебя ж и возьмем для примеру.
 А что? Подходяще вполне.
 Какая-такая холера
 Завьюжила вас по стране?
 Чего не видали? Пожарищ?
 Таперь и лети с ветерком.
 В нашем доме, товарищ,
 Вся жизнь идет кувырком.
 Народишко с голоду спятил,
 Усохли мозги и плоть...

– А ты, я вижу, приятель,
 Здоров языком-то молоть, –
 Отец тяжело и угрюмо
 Смотрел на барыжку в упор. –
 Ты прежде, однако, подумай,
 Потом и веди разговор.
 Тоже нашелся... печальник!
 Россия... в нашем доме...

– Да я ничего, начальник!
 Я так рассуждаю к тому,
 Что лихо людишкам... Бедуют.
 Третий уж год голодуют
 И – ни просвета, блин!
 Слыхом дошло – вербуют
 Желающих на Сахалин.

А ты – характером во-о-острый!
 Тебе-то уж,
 Как ни положь,
 Прямая дорога на остров –
 Большую деньгу зашибешь.
 Аванец подбросют, одежду.
 Все ж не на голыши воде...

– Где? – и отец с надеждой
 Взглянул на барыгу. – Где
 Контора по найму?

– А тута!
 Эвон проулок, гляди.
 Дороги – одна минута.
 Да ты не спеши... Погоди.
 На, отхлебни-ка, не гребуй.
 Слухай сюда, браток.
 Сбегай в магазин за хлебом,
 Детей накорми чуток.
 Али своди в столовую,
 Щец закажи, холодца.
 Чесанки... вижу я... новые
 У старшенького мальчика.
 Добрые валенки, добрые.
 Конечно, тебе знатье,
 Дак чо уж, если под ребрами
 От голода колотье.
 У каждого ноне горести,
 С бедою беда впритык.
 Но я заплачу по совести,
 Не сомневайся, мужик.
 Гляди – и вспоманешь Григория,
 Припомнишь когда на бегу.
 Я всяких, браток, объегоривал,
 Тебя же с детьми –
 Не могу!
 Я чаю, мы люди русские,
 Обделаем все по уму...

Глазки опухшие, узкие
 Мерцали в табачном дыму.
 Меня он ничем не обидел.
 Не знаю и сам, отчего
 Я так его возненавидел,
 Как после уже –
 Никого.

И, слезы глотая украдкой, –
 Взьерошенный, злой и голодный –
 Я валенки сбросил и пяткой
 Пристукнул о пол холодный.
 Дескать, подумаешь, валенки!
 Когда еще –
 Снег да морозы.
 Я понимаю...
 Не маленький.
 И все же невольные слезы
 Глаза мне туманили жарко.
 Насупясь, я в землю врос.
 Мне было валенок жалко,
 Да мне и сейчас их жалко,
 И тоже порою – до слез.
 Но жалость –
 Десятое дело.
 Тем более, что через час
 Хлеба ржаного и белого
 Досыта было у нас.
 А дикторы что-то вещали,
 Носильщик кого-то корил.
 ...Я с ложки горячими щами
 Больную сестренку кормил.

ЕГОРУШКА

Спеша, как будто на пожар,
 Вприпрыжку,
 скоком с горушки,
 Почти ворвался на базар
 Глухонемой Егорушка.
 Он – босоног,
 Гармонь в руках.
 Словами парень давится.
 И в голубых его глазах
 Восторг блаженный плавится.
 Его завидев, торгаши
 Забыли враз про барыши,
 Дела тотчас отложены:
 – Сыграй, Егорка, и спляши,
 Да только чтобы от души,
 Работай, как положено...

Плясал Егорка – хром и бос,
 Репьи на белом волосе.

И бабки, проходя,
 «Христос!» –
 Шептали с дрожью в голосе.
 И этот горький шепоток,
 И черный – до бровей – платок,
 Базар, разъятый свистами,
 Как танцплощадка твистами,
 И крики:
 – Ай, Егор, зело! –
 Все это душу обожгло.
 Желанье зрелищ и потех –
 Оно бы не было подсудным,
 Когда б не озаряла смех
 Улыбка радости паскудной
 От мысли тайной,
 Что сейчас,
 Нелеп, неловок и расхристан,
 Не я,
 Не я пустился в пляс
 Под улюлюканье и свисты.
 И что среди здоровых тел
 Не я безумием оскален.
 Я, может быть, осатанел,
 Но я – нормален,
 Я – нормален!
 А в смехе добром нет вины.
 Егор смешон и в самом деле.

...О, если б мы со стороны
 Себя, смеющихся, узрели.
 Тогда бы мы не пыль, а прах
 Вдруг ощутили на губах...

Вон закатилась тетенька,
 И в масляных ее глазах,
 Кругла,
 Как затаенный страх,
 Мелькнула идиотинка.
 Вон мужичонка –
 Аж рычит,
 Словечко молвить тужится,
 Но только гыкает, мычит
 И, как Егорка, кружится.
 За ним, смеясь и плача, все
 Летят по кругу с грохотом.
 Как на огромном колесе
 Толпа распята хохотом.

И лишь один,
Грызя орех,
Поддержуши исподнее,
Сказал, угрюм:
– Однако, грех.
Дурак – дите господнее...

Но что – один?
И мал и стар,
Смеясь, от колিক корчатся.
Ну до чего смешлив базар,
Смешлив, аж плакать хочется.

ДЕНЬ НАСТУПИТ

День наступит –
друзья соберутся, я знаю,
И веселье былое
вернется хотя бы на час.
И отступит печаль,
и забудется тяжесть земная,
И Бахыт Каирбеков
споеет и сыграет для нас.

И тревожно и чисто звучать будут
струны, как прежде,
Прозвучит, как и прежде,
беспечный и искренний смех.
Мы споем о любви,
мы споем о высокой надежде,
О бессмертной надежде,
одной и единой для всех.

Мы слова допоем
и зажжем новогодние свечи,
И поднимем бокалы
за счастье притихших подруг.
Наши руки сомкнутся,
теснее содвинутся плечи
В нерушимый, как прежде,
поистине дружеский круг.

А наутро, когда заискрятся
снега над порогом,
Провожая гостей,
наливая по чарке вина.

Ты, конечно, поймешь,
что друзья нам даруются богом,
А врагов подбирает, конечно же,
сам сатана.

И не надо гаданий,
не надо зловещих пророчеств
Предвещающих людям
и мор, и разбой, и вражду.
Все пророки больны
лихорадкой ночных одиночеств,
Приходите, друзья, я вас жду,
понимаете, жду.

Вы придете однажды,
и я в это искренне верю,
Верю в дружбу мужскую,
в надежность мужского плеча.
Мое сердце открыто,
и на ночь не заперты двери,
И горит до рассвета
в подсвечнике старом свеча.

* * *

Доброжу я теперь до усталости,
Белый свет погляжу, а потом
Подниму где-нибудь на старости
В пару комнат бревенчатый дом.

Прорублю два окошка на стороны,
Чтобы видеть восход и закат.
Белой лебеди, черному ворону
Буду я одинаково рад.

Накормлю их с ладони, согрею
И водой из ковшика напою,
И крылатым гостям, как умею,
О любви на прощанье спою.

Улетят они в разные стороны,
Прошумит над рекой карагач.
Белой лебеди, черному ворону
От души пожелаю удач.

И воды пожелаю, и хлеба,
И ветрами не тронутых гнезд.

Принахмурится к полночи небо,
Станет меньше и света, и звезд.

Станет больше любви и смирения
В целом мире и здесь, у реки,
И останется меньше мгновения
До последнего взмаха руки.

ПРОЩАЛЬНОЕ

Когда вожак над полем клин снижает,
Когда кричат, прощаясь, журавли,
В далекий путь крылатых провожает
Глубокое молчание земли.

Молчит земля.
И горькою тревогой,
И всей надеждой, и печалью всей
Не хочет волновать перед дорогой
Любимых и крылатых сыновей.

Молчит земля и не обронит звука,
Затаено дыхание полей.
И без того тяжелая разлука
Становится в молчанье тяжелей.

А может, нет? А может, так и надо:
Прощальный вскрик –
Молчание в ответ.
И только легкий шорох листопада
Рванется улетающим вослед.

Потом земле еще не раз приснится
Согласный крик, летящий на жнивье.
Но если так земля грустит о птицах,
То как же птицам будет без нее?

Не потому ль, приемля неизбежность
И затуманив тучами зенит,
Земля, как мать,
Свою печаль и нежность,
Свою любовь в молчании хранит.

